

дополнять его записями о последующих событиях. Составитель «Свода 1472 г.» (Никаноровская летопись и первая редакция Вологодско-Пермской летописи), восходившего к С1Л, сделал попытку сократить свой источник, изъяв из него и поместив в особую дополнительную часть повести о борьбе с татарами и о других важных событиях, но попытка эта, по-видимому, не имела успеха, поскольку в последующих сводах такого рода повести вновь помещаются внутри текста, выделенные заголовками.<sup>44</sup> Особенно важное место заняли вставные летописные повести в неофициальном своде конца XV в., легшем в основу двух летописей XVI в. — С2Л и Львовской. Уже в сводах XV—начала XVI в. повести о князьях (Сказание об Александре Невском в Лаврентьевской и последующих летописях, Сказания о Михаиле Черниговском и Михаиле Ярославиче, Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича в «Своде 1448 г.») обнаруживали некоторые черты агиографического жанра; свод, отразившийся в С2Л—Львовской, прямо включил в свой состав несколько житийных рассказов — из житий Варлаама, Сергия, его ученика Никона и др.<sup>45</sup> В XVI в. размеры сводов продолжают увеличиваться за счет нового летописного и внелетописного материала (огромными объемами отличаются, например, Львовская, Воскресенская и Никоновская летописи). Такое расширение свидетельствовало уже о начинающемся кризисе летописания как жанра письменности. На смену ему стали появляться новые виды исторического повествования — Степенная книга, порвавшая с прежней системой погодного изложения и построенная как собрание княжеских житий, и летописи, охватывающие не всю историю Русской земли, а лишь одно или несколько царствований (Иоасафовская летопись, Летописец начала царства).

Две тенденции в построении таких рассказов, обнаруживающиеся уже в «Повести временных лет», — конкретное описание и идеализация — свойственны и летописанию XII—XVI вв.; эти тенденции могли даже сосуществовать в одном летописном рассказе. Примером такого сосуществования противоположных тенденций может служить рассказ об убийстве Андрея Боголюбского в Ипатьевской летописи: рядом с выразительнейшими конкретными деталями (разговор князя с заговорщиками, поиски украденного меча) здесь помещены вполне этикетные речи Андрея, подкрепляющие традиционную агиографическую характеристику князя-мученика.<sup>46</sup>

Конкретное описание и идеализация не всегда мирно уживались в летописном изложении — тенденции эти иногда противостояли одна другой при переходе одних и тех же летописных рассказов из свода в свод. Выше мы уже упоминали повесть о нашествии Тохтамыша на Москву, читающуюся в ряде летописных сводов XV в. Наиболее ранний рассказ об этом событии, как мы уже указывали, помещен в Митрополитьем своде 1408 г. (Троицкой летописи). Это не описание события, а скорее плач или патетическое «плетение словес» по поводу взятия Москвы татарами

<sup>44</sup> См. об этом: Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи, как отражение великокняжеского свода начала 70-х гг. XV в. (печатается в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины»).

<sup>45</sup> См. об этом в статье «Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей» (наст. том, стр. 412—413).

<sup>46</sup> Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 394—402; ср.: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 348—352. См.: Д. С. Лихачев. Русские летописи. . . , стр. 241—246; И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 116—119. Интересные соображения об этом рассказе высказаны О. В. Твороговым в кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 46—48.